

4.2.4. Отставка Хрущева

В воскресенье 11 октября прилетевший в Пицунду в отпуск Сергей Хрущев услышал от отца, что накануне там побывал первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г.И. Воробьев и привез в подарок пару живых индюков.

– Мы его расспросили обо всех этих разговорах с Игнатовым. Он все начисто отрицал. Оказывается, ничего подобного не было. Он нас заверил, что информация этого человека – плод воображения.

Услышав это, его сын оторопел: «Так значит, они все эти дни не только ничего не предприняли, но даже не пытались выяснить, соответствует ли истине полученная информация?». Поговорили с Воробьевым, – но если он действительно о чем-то договаривался с Игнатовым, что-то знает, то, без сомнения, им ничего не скажет. Интересно, что они ожидали признания в подготовке отстранения Хрущева? Что это? Наивность? Как можно проявлять такое легкомыслие?»

Ближе к вечеру Хрущев позвонил из Пицунды в Москву. А там «на хозяйстве» в Совете Министров оставался тогда самый молодой из членов Президиума ЦК Д.С. Полянский. Встревоженный, он и начал обзванивать своих коллег, многие из которых находились в тот день далеко от столицы.

– Только что из Пицунды звонил Никита Сергеевич, ругался, намекал на какие-то интриги против него и объявил, что через три-четыре дня вернется и тогда покажет кузькину мать.

Вскоре все присутствовавшие в Москве члены Президиума ЦК собираются у Полянского. Тот сообщает, что уже вылетели из Кишинева Подгорный и из Минвод Кириленко, но что никак не может дозвониться в Берлин до Брежнева:

– Он не подходит к телефону, велит отвечать, что занят.

– Звони снова, – говорят ему.

Наконец, потеряв терпение, Полянский просит помощника Брежнева:

– Передай Леониду Ильичу слово в слово, не перепутай: в Москве хорошая погода и через три-четыре дня сюда возвращается Никита Сергеевич!

«В Москве хорошая погода!» – до Брежнева сразу же дошло тревожное значение этого пароля, и через несколько минут он сам позвонил Полянскому:

– Митя, все понял, выезжаю на аэродром, дал команду подготовить самолет к срочному вылету. Через пару часов буду с вами {2270}.

Подгорный, спешно покинувший торжества в Кишиневе, сделал посадку в Киеве, чтобы встретиться с Шелестом и просить его быть готовым к срочному прилету в Москву {2271}. Принимаются и другие необходимые меры. На всякий случай главному редактору газеты «Правда» П.А. Сатюкову неожиданно для него поручили возглавить советскую парламентскую делегацию и отправили в Париж {2272}.

Итак, они все вместе. Последние совещания, последний подсчет сил. И на следующий день, в понедельник 12 октября, порешили: будем вызывать Хрущева на заседание Президиума ЦК, предъявим ему список обвинений и вынудим подать в отставку {2273}. Текст доклада уже подготовлен из материалов, которые подрабатывали к предстоящему пленуму, но с явным креном по «делу», Полянский, Шелепин, Андропов и частично Демичев {2274}. Но кто будет звонить в Пицунду?

– Коля, – назвал Брежнев имя Подгорного, – ведь он тут, пока Никиты не было, председательствовал.

– Но что я ему скажу? – возразил тот. – Ведь я только третьего дня разговаривал с ним, сказал, что все у нас идет нормально, никаких проблем не возникает. «Что у вас вдруг произошло?» – спросит он... Пусть лучше говорит Леня. Тем более, что ему надо передать личный привет от товарищей Ульбрихта и Штофа.

Все согласились. Брежнев же уперся. Еле уговорили его и чуть ли не силой притащили к телефону. С дрожью в голосе он начинает разговор с Хрущевым.

– Завтра заседание Президиума... Хотим обсудить ряд вопросов, надо срочно прилетать.

– Не понимаю, какие вопросы? Решайте без меня...

– Нельзя. Есть ряд серьезных нестыковок по проекту пятилетнего плана...

– Я же отдыхаю. Что может быть такого срочного? Вернусь через две недели, тогда и разберемся.

– Но ряд республик и областей выдвигают тут некоторые требования... по сельскому хозяйству. Мы тут все собрались... Но без вашего участия обсуждать их не беремся... Настаиваем, – упорствовал Брежнев, а посиневшие губы его дрожали.

– Ну хорошо, – соглашается вроде бы Хрущев. – Подумаю.

И повесил трубку. Делать нечего. Разъехались. Через каждый час Брежнев звонит председателю КГБ и спрашивает:

– Ну как?

И только после полуночи Семичастный позвонил сам:

– Леонид Ильич, только что позвонили из девятки: самолет в Пицунду заказан на 6 часов утра... С ЭнЭс полетит Микоян {2275}.

А в Пицунде в это время Хрущев делился своими мыслями с Микояном:

– Знаешь, Анастас, нет у них никаких неотложных дел. Думаю, что этот звонок связан с тем, что нам говорил Сергей... Если речь идет обо мне, то я бороться не стану {2276}.

Наступает 13 октября. Семичастный звонит Брежневу:

– Кто поедет встречать?

– Никто, – отвечает тот. – Ты сам встречай. В данной обстановке зачем же всем ехать?

Внуково-2. С трапа самолета сходят Хрущев и Микоян.

– С благополучным прибытием, Никита Сергеевич, – подходит и здоровается с ним Семичастный, вежливо, но сдержанно.

– А где остальные?

– Они собрались в Кремле. Ждут вас...

Хрущев и Микоян садятся в длинный «Зил-111», Семичастный – в свою «Чайку». Приезжают в Кремль. Хрущев направляется в свой кабинет, где уже собрались все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, а также секретари ЦК. Семичастный тем временем вместе

с начальником 9-го управления КГБ Чекаловым заменяет охрану в приемной, а затем дома (на Ленинских горах) и на даче (в Петрово-Дальнем). Заместителю же личной охраны Хрущева (сам ее начальник Литовченко был предусмотрительно отправлен в отпуск) велит:

– Ни одной команды, ни одного распоряжения без моего ведома не давать. Запрещаю. Таково указание руководства ЦК {2277}.

А в это время на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущеву предъявили счет за грехи. Он был внушительный. Первым взял слово, как было условлено, Брежнев. Он рассказал, что в партии и стране накопилось много претензий к работе Хрущева, и высказал мнение, что в этих условиях целесообразно, чтобы он подал в отставку и ушел на пенсию {2278}.

– В Президиуме нет коллегиальности. Возрождается и непомерно растет культ личности товарища Хрущева. Допускается оскорбление единомышленников по работе. Многие решения принимаются непродуманно. Разделение обкомов – это большая ошибка. В партии и народе оно не поддерживается. Последняя записка по управлению сельским хозяйством путаная... {2279}

Приведенные выше отрывки из выступления Брежнева дошли до нас в записях, сделанных очевидцами – Гришиным и Шелестом. У одного из помощников Брежнева сохранился написанный самим Брежневым от руки развернутый план-конспект его речи. Начинался он так: «Я полностью согласен со всеми критическими замечаниями товарищей в адрес тов. Хрущева и разделяю точку зрения, что многие крупные ошибки и промахи в работе происходят по вине тов. Хрущева» {2280}. Судя по этим словам, Брежнев вовсе не собирался выступать первым. А далее было написано следующее:

«Вы, Никита Сергеевич, знаете мое отношение к вам на протяжении 25 лет... В трудную для вас минуту – я честно, смело и уверенно боролся за вас... Сегодня я не могу вступать в сделку со своей совестью и хочу по-партийному высказать свои замечания. Почему мы сегодня вынуждены говорить о крупных ошибках и промахах в работе? Почему мы все отмечаем тяжелую обстановку в работе Президиума? Над этим вопросом я думал долго и серьезно и твердо убежден, что если бы вы, Н. С., не страдали бы такими пороками как властолюбие, самообольщение своей личностью, верой в свою непогрешимость, если бы вы обладали хотя бы небольшой скромностью, – вы бы тогда не допустили создания культа своей личности».

Далее следовал перечень вопросов, на решение которых отрицательно повлиял новый культ личности: рязанское дело («вы инициатор этого дела»), обюрокращивание руководства промышленностью («нельзя формировать структуру промышленности за обедом»), отзывы о секретарях ЦК («вы говорите, что мы как кобели счим на тумбу») и членах Президиума ЦК («кто из нас не ходит без ярлыков?»), отношение к кадрам («Кунаев, Серов, Сахаров, снять секр. Тулы, снять Мазурова, снять Мжаванадзе») {2281}.

Думается, что при всей их фрагментарности эти записки представляют немалый исторический интерес. И самое любопытное, что содержащаяся в них критика направлена только против «ошибок и промахов», проистекающих из личных качеств Хрущева – властолюбия, себялюбия и т. п. Нет ни слова о курсе, о линии. И ничего не сказано о внешней политике. Даже о его импульсивных «взбрыках». Правда, эту тему не обошли некоторые из последующих ораторов.

Хрущев, занявший по привычке председательское место, столь же привычно стал не соглашаться с Брежневым:

– Вопрос о разделении обкомов не я один решал, он обсуждался и вами на Президиуме, и на пленуме, и был одобрен... Я, как и все, мог иметь какие-то недостатки. Так спрашивается, почему же о них мне раньше не сказал? Разве это честно среди нас, единомышленников? Что касается допущенных к некоторым товарищам грубостей, то я прошу извинения {2282}.

За то, чтобы отпустить Хрущева на пенсию и прекратить практику сосредоточения власти в одних руках, высказался Козлов. На последнем расширенном заседании Президиума ЦК и Совмина Хрущев, по его мнению, «наговорил много глупостей» {2283}.

На нетерпимую обстановку в руководстве, непомерное самомнение Хрущева и злоупотребление им властью указывал Шелепин.

– Характеристика, данная Лениным Сталину, полностью относится к вам. Он сетовал на падение темпов экономического развития за последнее десятилетие, на падение ежегодного прироста национального дохода с 11% до 4%. Коснулся оратор и внешней политики:

– С империалистами мы должны быть на страже. А вы отступаете от главной линии. Кубинский кризис – авантюра, жонглирование судьбами народа.

Возмущался Шелепин и идеологическими вывертами Никиты Сергеевича:

– Вы сказали «Октябрьскую революцию совершили бабы»! {2284} Выступления сопровождались не менее обидными репликами членов Президиума ЦК:

– Ты развалил сельское хозяйство! В результате мы вынуждены закупать зерно за рубежом.

– Созданные тобой совнархозы себя не оправдали! Управление через них ведет к ослаблению оборонной мощи страны.

– Лишь в этом году в печати опубликовано более тысячи твоих фотографий. Разве это не утверждает новый культ личности?

– А подарки зарубежным деятелям? Во сколько сотен тысяч они обошлись государству? И разве ты лично не присваивал себе кое-что из подарков, полученных за границей?

Хрущев, оглушенный и подавленный, все же пытался сбить накал критики ответными репликами, возражать. Но его плохо слушали, перебивали.

– Друзья мои! – чуть ли не взмолился он.

– У вас нет здесь друзей! – отрезал Воронов.

– Вы не правы, Геннадий Иванович, – возразил ему Гришин. – Мы здесь все друзья Никиты Сергеевича {2285}.

Кириленко обратил внимание на недопустимость сосредоточивания власти в одних руках.

– Слащавость любите, а людей честных отталкиваете. Почему вы таким стали? {2286}

Мазуров сказал, что «никто экономического эффекта не подсчитал от освоения целинных земель», что «тут имеется много сомнительных показателей, никто не подсчитывает затрат на производство там зерна». Почему-то Шелест посчитал, что его выступление было довольно серым и прозвучало «очень глухо». И вообще, по его мнению, Мазуров «держался очень скованно, чересчур трусливо» {2287}. Л.Н. Ефремов затронул один вопрос – нарушение уставных норм партийной жизни в связи со всякими реорганизациями. Правда, потом говорили, что он выступил плохо, но с этим не согласен тот же Шелест: «Надеялись, что он выступит крикливо, на высоких тонах, как он всегда выступал, но на сей раз это не получилось». Может быть потому, что многое ему не было известно, а он «чувствовал всю серьезность момента» {2288}.

Основной темой выступления Мжаванадзе был диссонанс, внесенный нетактичным поведением Хрущева в отношении с союзниками {2289}.

Затем череду кандидатов в члены Президиума ЦК прервал Суслов. Он согласился с замечаниями о том, что в средствах массовой информации (которые, кстати, проходили по его ведомству) процветает культ Хрущева. Мало того, добавил он, в них «извращается истинная обстановка и положение в партии и стране». Вокруг Хрущева выросла группа подхалимов, льстецов, а он это поощряет, ему это нравится. И вообще, «создается такая обстановка, когда унижается достоинство человека, это разрушает все помыслы творческой деятельности» {2290}. Обратил он также внимание на «семейные выезды» Хрущева за границу, на то, что зарубежные поездки Аджубея «неполезны», а в беседе его самого с японскими социалистами «наговорено много лишнего» {2291}.

Гришин указывал на то, что Хрущев игнорирует «огромную работу ВЦСПС», и жаловался на то, что с ним ни по одному вопросу нельзя посоветоваться. Критиковал он и форму проведения пленумов ЦК, а также манипуляции с пятилетним планом:

– Пятилетка не выходит – давайте сделаем семилетку и таким образом выполним за семь лет то, что намечалось на пять лет {2292}.

Резко выступил и Рашидов. Кадры, отмечал он, больше подбираются не по деловым и политическим признакам, а по субъективным, по настроению. Разделение обкомов приносит большой вред. И «совершенно неправильно, что мы стремимся упразднить сельские райкомы» {2293}.

На этом прения были прерваны. Было уже поздно, около восьми часов вечера. Все были разгорячены, возбуждены. Решили завтра продолжить заседание, а потом сразу же созвать пленум. Хрущев тут же встал и вышел.

Память об июне 1957 г., когда Хрущеву именно в перерывах между заседаниями удалось переломить ситуацию и выйти из поначалу казавшейся безнадежной борьбы победителем, память эта давала о себе знать. Чтобы подобное не повторилось, был предпринят целый ряд срочных мер. Секретарь ЦК Л.Ф. Ильичев уже ночью привез одного из заместителей Андропова Н.Н. Месяцева в Комитет по радиовещанию и телевидению, собрал коллегия и представил ей его в качестве нового председателя. В ту же ночь В.И. Степаков «сел» на газету «Известия», Л.Н. Толкунов – на газету «Правда»{2294}. Здесь Ильичев, негодуя и чуть ли не плача, говорил:

– Он нас все время дергал, никто не мог чувствовать себя спокойно{2295}.

Приблизительно так же говорили члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, отправившись на встречи с приехавшими в Москву членами ЦК. Никогда не видел Косыгина «таким возбужденным, точнее, в столь приподнятом настроении» Егорычев. «Он рассказывал, как остро и принципиально проходила дискуссия на заседании Президиума ЦК, когда впервые лидеру партии и государства, в руках которого была сосредоточена неограниченная власть, прямо и откровенно высказывали все о его поведении и ошибках»{2296}. Шелест в украинском постпредстве на улице Станиславского, проинформировав своих о том, что было сегодня в Кремле, предупредил, что завтра, возможно, состоится пленум ЦК, и просил их пока не допускать никакой утечки полученных ими сведений. «Ночь прошла тревожно», вспоминал позже он{2297}.

Брежнев же интересовало, что будет делать Хрущев.

– Володя, – звонил он председателю КГБ, – мы только что закончили заседание. Хрущев уходит. Куда он поедет?

– На квартиру, – отвечал Семичастный.

– А если на дачу?

– Пусть на дачу.

– Ну а ты?

– А у меня и там, и сям, и везде наготовлено. Никаких не будет неожиданностей.

– А если он позвонит? Позовет на помощь?

– Никуда он не позвонит. Вся связь у меня!.. Кремлевка, ВЧ. А по городскому пусть говорит.

На всякий случай члены Президиума договорились:

– К телефону сегодня не подходить! Вдруг он начнет нас обзванивать, и ему удастся склонить кого-нибудь на свою сторону.

Однако когда у Микояна раздался телефонный звонок, он поднял телефонную трубку. Действительно звонил Хрущев.

– Я уже стар и устал, – сказал он. – Пусть теперь справляются сами. Главное я сделал... Разве кому-нибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга. А бороться я не буду{2298}.

Так как телефон Хрущева прослушивался, то когда в 11 часов утра 14 октября заседание Президиума ЦК КПСС возобновилось, всем было уже известно, что Хрущев бороться не будет.

Первым выступил Полянский. По сравнению со вчерашними выступлениями его речь выглядела более солидно. Сказались, очевидно, наработки, сделанные заранее под его руководством.

– Наша линия выработана правильная, – сказал он, – но поведение Никиты Сергеевича наносит вред всему здравому смыслу. И как результат, сельское хозяйство «стоит на нуле». Молодежь уходит из села, и оно, «седея», деградирует. Надо что-то делать для его укрепления. Снабжение населения сельхозпродуктами находится на крайне низком уровне и вызывает большие нарекания. В цифрах по сельскому хозяйству много жонглерства. Главный исполнитель всех этих манипуляций – руководитель ЦСУ Ставровский. Но вина за дезорганизацию сельского хозяйства лежит на Хрущеве. А заведующий сельхозотделом ЦК Поляков – человек случайный, подхалим, которого надо немедленно убрать. Академик Лысенко – это Аракчеев в науке, а сельхознауки, как таковой, у нас нет.

Разойдясь, Полянский подверг сомнению то, как проводилась критика Сталина. По его мнению, это было сделано «недозволенными методами» и «нанесло большой вред нашей идеологии, нашей партии». В народе идут «нехорошие разговоры» о зяте Хрущева (главном редакторе «Известий» Аджубее) и сыне:

– Один распоясался так, что стремится стать над Президиумом ЦК, а другой без году неделя работает на производстве, а уже Герой Социалистического Труда. А Никита Сергеевич или не хочет замечать всего этого, или поощряет. Он заболел манией величия, ему надо уйти со всех постов, а мы не будем ничего припоминать ему{2299}.

С ним согласился Косыгин. Он высказал убеждение, что полумерами здесь, без освобождения от всех постов не обойтись. В его резком, даже нервозном выступлении «чувствовались нотки личной обиды и некоторой неприязни к Хрущеву». Особо он напирал на организуемую главой партии и правительства «групповщину» и «интриги» среди членов Президиума ЦК{2300}. Стиль работы Хрущева он назвал неленинским.

– Все сам, все сам! – говорил Косыгин, не в силах сдерживать свои чувства. – Письма льстивые рассылаете, а критические нет. Интриговали – вы не радуетесь росту людей{2301}.

Напротив, Микоян, взывая к объективности, назвал деятельность Хрущева «большим политическим капиталом партии»{2302}. Он говорил о подъемах и спадах в работе Хрущева, о его большой энергии и вместе с тем о некоторых «юзах» в его политической деятельности.

– Да, Никита Сергеевич действительно за последнее время стал вспыльчив, раздражителен, допускает оскорбление товарищей – очевидно, это связано с определенными трудностями. Но какой бы резкий разговор с ним не состоялся, потом к нему всегда можно подойти, поговорить, объяснить, – он всегда выслушает, он незлопамятный, объективный в оценке товарищей. Здесь говорилось, что ему надо пойти в отставку. Вряд ли можно с этим согласиться. Может быть стоит, наверняка стоит разделить посты. Никита Сергеевич пользуется авторитетом у нас и во внешнем мире. Для такого масштаба деятельности он еще не стар. А Полянский и Косыгин молоды и рассуждают не совсем правильно и продуманно. Надо крепко покритиковать Никиту Сергеевича, он исправит положение, а нам всем надо больше ему помогать{2303}.

Общий смысл сказанного Микояном был таков{2304}:

– Товарищ Хрущев должен остаться у руководства партии. Но его надо разгрузить, а неправильное отсечь.

Не согласился с этим выступлением Подгорный. Он стал говорить об ошибках, допущенных Хрущевым в управлении промышленностью и сельским хозяйством, о потакании собственному культу личности.

– О состоянии готовности страны к обороне мы не в курсе дела. Никита Сергеевич допустил много просчетов в вопросах сплочения социалистического лагеря. Разделить посты, конечно, надо. Но оставлять на каком-нибудь из них Никиту Сергеевича не следует. Как это отразится? Определенные издержки будем нести. Но это делать надо. И лучше всего, если бы он сам попросил освободить его{2305}.

Итоги прениям взялся подвести Брежнев. Из цитированного выше чернового конспекта, сделанного заведующим общим отделом В.Н. Малиным, запись фиксирует только следующие его слова:

– Согласен со всеми. С вами, Никита Сергеевич, я прошел с 38-го года. В 57-м боролся за вас. Не могу вступить в сделку со своей совестью.

А далее в этой записи следуют предложения: освободить Аджубея от обязанностей редактора «Известий», освободить Харламова от обязанностей председателя Комитета по радио и телевидению, освободить Хрущева от занимаемых им постов{2306}.

Вслед за этим для проформы спросили секретарей ЦК Андропова, Демичева, Ильичева, Рудакова и Титова, а также председателя парт-комиссий при ЦК Шверника, согласны ли они с постановкой такого вопроса и нет ли у них своих предложений. Все они согласно закивали головами. И тут попросил слова Микоян и сказал, что присоединяется ко всему тому, что здесь было сказано{2307}.

Лишь после этого попросили высказаться Хрущева. Сильно расстроенный и подавленный, он все же нашел в себе силы и заставил себя выразить признательность всем за критические

замечания по его адресу. Но посетовал, что этих замечаний ему не высказывали раньше. Сказав, что все его силы, опыт, жизнь были посвящены партии, что он был и будет до конца ей верен, Никита Сергеевич заплакал{2308}.

– Я не могу с вами бороться, – продолжил он, взяв себя в руки. – Идеология и основа у нас с вами одна. Я уйду и драться не буду. Рад за Президиум, что он такой зрелый. В этом есть и моя крупинка...

Он еще раз попросил извинения, если кого-то когда-то обидел, допустил грубость – «в работе все могло быть». Главным своим недостатком Хрущев назвал слабость характера, доверчивость и доброту, а также, может быть, еще чего-то, что сам не замечал. Однако ряд предъявленных ему претензий им были категорически отвергнуты.

– Меня обвиняют в совмещении постов первого секретаря ЦК и председателя Совмина. Но ведь я сам этого не добивался. Этот вопрос решался коллективно, а некоторые из вас, в том числе и Брежнев, даже настаивали на этом. Моя ошибка в том, что я нерешительно противился вашему настоянию.

Далее он коснулся внешней политики, приводил аргументы в защиту предпринятых в свое время мер во время Суэцкого, Берлинского и Карибского кризисов, – ведь все эти вопросы решались коллективно...

– Так почему сейчас поднимается вопрос и ставится все это мне в вину? Некоторые говорят здесь о более решительных мерах против Китая... Говорить можно все. Но вот как сделать конкретно, никто не может рекомендовать. Отношения с Китаем – это очень сложный вопрос. Вы с ним тоже столкнетесь не один раз и будете иметь много сложностей и неприятностей. –... Я понимаю, что это моя последняя политическая речь, как бы сказать, лебединая песнь. На пленуме я выступать не буду. Но хотел бы обратиться к пленуму с просьбой...

– Этого не будет, – поспешил категорически прервать его Брежнев.

– Да, да, – поддержал Суслов.

У Хрущева на глазах снова навернулись слезы.

– Ну что ж, – нашел он в себе силы закончить, – я готов ко всему... Прошу написать заявление о моей отставке, я подпишу... Если вам нужно, уеду из Москвы.

– Зачем это делать? – раздался чей-то голос.

– Ни к чему, – поддержали другие.

Все были рады, что все так благополучно кончается, что Хрущев соглашается на капитуляцию. Он же может быть искренне, а может быть, чтобы подыграть им, сказал:

– Если у вас пойдут дела хорошо, я буду радоваться и следить за сообщениями газет{2309}.

В записи Малина конец речи Хрущева выглядит несколько иначе:

– Не прошу милости. Вопрос решен. Я сказал товарищу Микояну – бороться не буду. Зачем искать краски и мазать вас? Радуюсь: наконец, партия выросла и может контролировать любого человека. Собрались и мажете человека говном, а я не могу возразить. Выражаю просьбу об освобождении. Если надо – как надо поступить, так и поступлю. Где жить?{2310}

Объявили перерыв на обед. Хрущев отказался там присутствовать. Его не задерживали, и он уехал домой{2311}. Уже без него обсуждали другие вопросы. Кого рекомендовать пленуму ЦК новым первым секретарем, а кого – главой правительства? Назывались три кандидатуры: Косыгина, Подгорного и Брежнева. Председателем Совета министров решили рекомендовать Косыгина. Это было обусловлено еще раньше. Именно аргумент, что он может занять этот пост, окончательно склонил его к участию в намечавшемся перевороте{2312}. Подгорный, которого предложил Брежнев, сам отказался от поста первого секретаря, мотивируя тем, что есть люди моложе. И прямо указал на Брежнева{2313}. «Возражений, конечно не было, – свидетельствовал Шелест, – но надо было видеть, как Брежнев просиял». Тут же он внес предложение учредить должность второго секретаря ЦК и избрать на эту должность Подгорного. Все согласились{2314}. А кто сделает доклад на пленуме? Брежнев отказался:

– Мне будет как-то неудобно, раз вы выдвигаете мою кандидатуру на пост «первого»...

Категорически отказался и Подгорный. Тогда поручили Суслову{2315}. Не Полянскому или Шелепину, которые работали над текстом, а именно Суслову. Как своего рода мсть за

проявленную ранее трусость, полагают одни{2316}. Из-за того, что Брежнев уже тогда опасался молодых – Полянского и Шелепина, считают другие{2317}.

Обсуждалась и судьба Хрущева. Микояна попросили передать ему приглашение на пленум и сообщить, что ему будет установлена пенсия в 500 рублей, что за ним сохранится пожизненно дача в Петрово-Дальнем и особняк на Ленинских горах с охраной и обслуживающим персоналом. Может быть он останется еще членом Президиума Верховного Совета. Микоян, правда, предлагал учредить для него должность консультанта Президиума ЦК, но с ним не согласились{2318}.

Пока утрясали все эти детали, не раз звонил Семичастный:

– Леонид Ильич, вы дозаседаетесь до того, что к вам пойдут делегации членов ЦК для поддержки вас или для защиты Хрущева. Еле отбиваюсь от звонков...

– Успокой всех... В 6 часов – пленум{2319}.

Но сам Брежнев не был до конца спокоен. Позвонив Егорычеву, сказал ему:

– Мы тут посоветовались и думаем, что прения открывать не следует. Хрущев заявление подал. Что же мы его будем добивать? Лучше потом, на очередных пленумах, обстоятельно обсудим эти вопросы...

– Ну, хорошо, – ответил глава столичной парторганизации, – пусть будет так. Однако, если потребуются, я к выступлению готов.

Егорычев воспринял это известие как проявление «человечности новых руководителей»{2320}. Иначе отнесся к этому Шелест: «Открыть обсуждение доклада, значит, дать слово и Хрущеву – ведь о нем идет речь. А что он может сказать, тем более в адрес Брежнева, да и других, это небезопасно»{2321}.

Пленум ЦК КПСС открылся в 6 часов вечера. Сделал это по поручению Президиума ЦК Подгорный. Сулов сказал, что ему поручено изложить единодушное мнение членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, а также секретарей ЦК, и стал зачитывать доклад «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Хрущева». Никакого глубокого анализа положения дел в партии и обществе там не было. А о конкретной программе действий вообще речь не шла. Зато много говорилось о некоторых лицах, близко стоявших к Хрущеву и якобы плохо на него влиявших. Особенно досталось Аджубею за его зарубежные поездки.

– Позор! – раздавалось то и дело в зале.

– Исключить его из партии, отдать под суд! – кричали самые рьяные из обиженных и подхалимов.

Рассказывая о последнем заседании Президиума ЦК, Сулов сообщил, что Хрущев поначалу отрицал критику в свой адрес, «подавал неправильные реплики».

– Однако напор со стороны многих членов Президиума был настолько силен, что товарищ Хрущев вынужден был перейти к обороне, а потом прекратил сопротивление, признав правильность критики в свой адрес.

Заканчивая чтение двухчасового доклада, Сулов сказал:

– Товарищ Хрущев признал, что состояние его здоровья не позволяет ему исполнять возложенные на него обязанности, и потому просит освободить его с занимаемых им постов.

И тут же зачитал подписанное Хрущевым заявление на имя пленума, оговорившись особо, что Никита Сергеевич попросил разрешения не выступать на пленуме. Сам Хрущев все это время сидел в президиуме, на крайнем стуле. Обхватил голову руками и ни разу не поднял ее, не взглянул в зал.

– Нужно ли открывать прения? – спросил Брежнев.

– Нет! – отвечали ему из зала.

– Тогда проголосуем постановление, подтверждающее решение Президиума.

А так как многим хотелось крови, и они к этому подготовились, припомнив и изложив на бумаге свои обиды, некоторые из них остались не совсем довольными. Семичастный, например, потом сказал Шелепину и Брежневу, что был возмущен. А позже объяснял этот их шаг тем, что сделан он был не без умысла. Кто знает, куда приведет промывание Хрущевских костей? Не затронет ли и их самих? «Я думаю, эти старики продумали все и, боясь за свои... кости, все сделали, чтобы не открывать прения... Не объяснили толком». К схожему выводу

пришел и Егорычев: «Во время прений под горячую руку могло быть высказано много такого, что потом связало бы ему руки. А у Леонида Ильича в голове, очевидно, уже тогда были другие планы».

Итак, отставка Хрущева с постов первого секретаря ЦК, председателя Совета министров и члена Президиума ЦК официально оформлена. Правда, куда-то пропала рекомендация учредить должность второго секретаря ЦК. «Для нас, – вспоминал позже Шелест, – осталось загадкой, на каком этапе и кто перерешил наше общее мнение, принятое за два-три часа перед пленумом»{2322}.

После голосования Хрущев встал и направился в заднюю комнату{2323}. Брежнев же не без пафоса подвел итог:

– Вот Никита Сергеевич развенчал культ Сталина после его смерти, мы же развенчиваем культ Хрущева при его жизни{2324}.

Да, причины для торжества у него и его товарищей по «делу» были. Какой успех: никакой крови, все решено голосованием, причем единодушным!

Так завершился этот номенклатурный переворот. Правда, многие активные участники тех событий категорически не приемлют само это слово – «переворот». О каком перевороте может идти речь, если войска продолжали оставаться в казармах и даже Кремль в решающий момент был открыт для свободного посещения? У нас нет оснований не верить категорическим утверждениям на этот счет тогдашнего председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного. И все же весьма и весьма сомнительно, чтобы столичный гарнизон, а тем более кремлевская охрана находились в обычном положении, а не в состоянии повышенной боевой готовности. К тому же сам Семичастный признает, что «по Кремлю расставил, где нужно, своих людей». Не нравится некоторым из них и термин «заговор». Оказывается, это была тщательная, с некоторыми элементами конспиративности работа по формированию антихрущевского большинства среди почти трех сотен членов и кандидатов в члены ЦК. Другие же так и говорят: да, был заговор.